

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ ПОЖИЛЫХ ЧЕРЕЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОНЛАЙН СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

Людмила Александровна Видясова^а,
Ирина Андреевна Григорьева^{а,б*}

^а Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

^б Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Видясова Л.А., Григорьева И.А. (2018) Исследование возможностей социальной инклюзии пожилых через взаимодействие в онлайн среде (на примере сообществ в социальной сети «ВКонтакте»). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(2): 106–132. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.4>

Аннотация. Представлены результаты изучения 21 онлайн сообщества людей старшего возраста в социальной сети «ВКонтакте» образовательной, трудовой и досуговой направленности. Исследование проведено на основе сетевого подхода с применением средств автоматизированного анализа данных, позволяющего оценить характеристики сообществ, а также процессы информационного обмена между участниками. Использован метод сетевого анализа данных, автоматизированный веб-краулинг онлайн-сообществ, а также программные пакеты Gephi и сервис анализа социальных сетей Socstat. Проведенный анализ был дополнен качественным исследованием контента, публикуемого в группах, а также мероприятий, проводимых в офлайн-среде. Исследование позволило сделать выводы о формировании сообществ, характеризующихся слабыми онлайн связями между пользователями групп людей старшего возраста «ВКонтакте». В изученных группах реальное социальное сообщество формируется изначально в офлайн-среде, где происходят все ключевые мероприятия, а их организаторы используют площадки в социальных сетях как один из каналов информирования целевой аудитории. Обнаруженная высокая модулярность свидетельствует о существовании реальных кластеров (как правило, небольших) среди участников сообществ, соединенных между собой связями виртуальной дружбы. Исследованием было обнаружено, что отсутствие пользовательской активности не приводит к распаду сообществ, а их численность, напротив, возрастает.

По результатам исследования, для эффективной социальной инклюзии необходимо поддержание определенного уровня доверия к происходящему в группе и публикуемым сведениям, а также актуальный контент, освещающий мероприятия в офлайн-среде.

* Автор для связи. E-mail: soc28@yandex.ru

Ключевые слова: социальные сети, онлайн-сообщества, пожилые, социальная инклюзия, сетевой анализ, сетевой подход, слабые связи, вовлеченность.

Введение

На протяжении последних лет расширяется дискурс исследований в тематике анализа социальных сетей и их возможностей для социальной инклюзии пожилых. Пользователи старших возрастных групп уже не стоят на периферии цифрового прогресса (Григорьева, Биккулов 2013; Loirha 2014; Дмитриева 2015; Видясова 2017). Процент пожилых людей, пользующихся Интернетом, растет. Так, в 2017 г. среди людей старшего возраста пользуются Интернетом 36 %, Интернетом на смартфонах 14 % и на планшетах 7 % (Проникновение интернета 2018). Результаты опросов общественного мнения (Сергеева 2014, Биккулов и др. 2016), проведенных в данной целевой группе, подтверждают стремление пожилых быть включенными в цифровой мир.

Понятие «социальное исключение/включение» было проанализировано в ряде публикаций (Дмитриева 2012), а Д. Сапонов и А. Смолькин операционализировали его для изучения пожилых (Сапонов, Смолькин 2012).

При сохранении наиболее популярных способов использования компьютера и Интернета для решения отдельных задач поиска информации и общения с родственниками и друзьями (Григорьева, Келасьев 2016) привычные границы социального мира пожилого человека расширяются, а также появляются тенденции к большему социальному включению в новую среду. По результатам исследований, чувство одиночества и нехватка общения подталкивают людей старшего поколения к посещению специализированных курсов по использованию компьютера и Интернета (Grigoryeva, Dmitrieva 2016). Очевидно, новые навыки позволяют людям старшего поколения оставаться включенными в общение с близкими и в более широкую социальную жизнь.

Но обладают ли сетевые сообщества теми характеристиками, которые позволяли бы их называть социальными сообществами? Возможно ли использование социальных сетей для построения выводов о сплоченности и солидарности сообществ (Kun 2018, Salahuddin 2016)? Можно ли интерпретировать «акт добавления в друзья» в социальной сети как свидетельство условной виртуальной сплоченности, а данные об управлении сообществами в совокупности с экспертными оценками — в качестве индикаторов социальной сплоченности даже в онлайн сообществах (Ярская, Шеляхина 2015; Ярская 2017). Есть работы, в которых подчеркиваются сдерживающие факторы для использования социальных сетей, свя-

занные с уровнем межличностного доверия в современном российском обществе (Реутов, Колпина, Реутова и др. 2011).

В настоящем исследовании предпринята попытка анализа взаимодействий в онлайн-сообществах людей старшего возраста с целью изучения свойств таких сообществ и оценки их возможностей для устойчивой социальной инклюзии.

Обзор литературы

Социологические объяснения социальной организации или социального порядка всегда тяготеют к системному видению социального, в котором целое всегда больше, чем сумма его частей. Другой предпочитаемый вариант объяснения — общество является продуктом взаимодействия свободных индивидов, которых организует «невидимая рука рынка» или «латентные социокультурные структуры». Периоды увлечения «властью субъективного» и микроуровнем анализа сменялись системно-государственными идеями, однако это не оставалось концептуальной игрой, напротив, так отрабатывались механизмы взаимоотношений местного самоуправления и государственных структур, гражданина и различных корпораций, чрезвычайно развитые и дифференцированные на Западе.

Общество можно считать самоорганизующимся и эффективно действующим при наличии специфических механизмов взаимодействия и согласования на всех уровнях. Центральная власть должна и может выступать таким механизмом на общегосударственном уровне. Однако ориентация общества и граждан только на центральную власть порождает необходимость в персоне, воплощающей «мировой разум» и видит в авторитарном/деспотическом правлении единственную возможность интеграции. Сегодня такая ориентация скорее говорит о наличии мощных архаических пластов в сознании россиян и о социально-психологической регрессии. При этом данная регрессия, видимо, функциональна, так как связана с существованием латентных социальных структур, специфических для российского общества и обеспечивающих ему внутреннюю прочность. Действительно, уникальные для российской истории самоуправляемые крестьянские общины Севера фактически находились не только на географической, но и на административной периферии и, более того, поддерживали свою дистанцированность от государства за счет безусловных хозяйственных успехов и отлаженных механизмов взаимодействия внутри коммуны и с губернскими чиновниками (внешней средой). Во всяком случае северные общины аккуратно платили подати и налоги и рекрутировали солдат (или платили отступные) (Институты самоуправления 1995).

Если обратиться к истории Западной Европы или США, то там механизмы саморегулирования и самоорганизации снизу, от мотивационной структуры человека до местного самоуправления, всегда играли огромную роль в сбалансированной самоорганизации общества, недаром высказывалось мнение, что если американское государство слабеет, его поддерживают институты гражданского общества. В России же слабость государства ведет к социальной дезорганизации «внизу» и расцвету коррупции «наверху».

Еще М. Вебер писал о том, что секрет капитализма таится не в стихии рыночных отношений, ибо мелкая торговля и спекуляция существовали всегда, а особенностях характера экономического/экономизированного человека, которому свойственны не только страсть к наживе и агрессивность, но и прежде всего сдержанность, самодисциплина, расчетливость, предусмотрительность и т.п. (Вебер 1990). Например, история рабочего класса не сводится к формированию нового, индустриально-городского сознания, а состоит в способности жить и действовать в специальных дисциплинарных пространствах, как их обозначал М. Фуко, в которых селянин, послушный органической логике, становится рабочим, выполняющим механические, повторяющиеся, доходящие до автоматизма действия (Фуко 1999). Освоить эти «равномерно темперированные пространства» индустриально-урбанизированной занятости для человека означает примерно то же, что освоить систему равномерной темперации в музыке (для чего в 1-й половине XVIII в. И.С. Бах написал «Хорошо темперированный клавир») или научиться жить по часам, а не по солнцу. В нашем контексте это значит, что современный человек сталкивается с необходимостью жить и работать не там, где он родился и вырос, а в различных сообществах, правила взаимодействия в которых он должен освоить, чтобы членство в сообществах стало «страховочной сеткой» для каждого участника.

Чем дальше к югу континентальной Европы, и чем дальше от Европы, как на Восток, так и на Запад, тем заметнее в социальной политике роль «низовых» институтов гражданского общества — семьи, церкви, соседской общности и других локальных, т.е. локализованных на определенной территории, связей (Abrams et al. 1989; Abrahamson 1993). На языке классической социологии начиная с Тенниса (Tonnies 1920) на юге Европы в системе социальной защиты главную роль играют общности типа «община», а на остальной ее части — общности типа «общества», при всей условности этих «идеальных» типов.

Например, в Великобритании, традиционно велика роль соседских сообществ и неформальной поддержки, а в Германии, Австрии и Швеции, где роль государства традиционно велика, значение муниципалитетов

в решении социальных вопросов нельзя преуменьшать. В последние десятилетия XX в. роль институтов третьего сектора, или гражданского общества, в Европе повсеместно росла (Салустович 2000). Есть российские исследования, вполне продолжающие «английскую традицию» изучения сообществ (Henderson & Thomas 2000; Thomas 1995). В них устойчивые сообщества связываются с взаимопомощью, длительным соседством и родством (Плюснин, Позаненко, Жидкевич 2015).

Важнейшей особенностью территориальных сообществ является, с нашей точки зрения, то, что они дополняют или даже обеспечивают различные сферы жизни населения, повышают их качество, в том числе:

- социальную поддержку и заботу (службы здравоохранения, образования и социальной работы);
- социальную безопасность (комфортная природно-социальная среда, доступный транспорт, личная безопасность);
- экономическую поддержку (развитием предприятий и рабочих мест, ориентированных на потребности сообщества);
- поддержку в психологической и творческой самореализации (чувство принадлежности, возможности нахождения заинтересованности);
- гражданскую активность (сотрудничество общественных организаций с местным самоуправлением и государственными структурами);
- формирование «сетей поддержки» в виде групп и организаций взаимопомощи и самопомощи населения, обращающихся за поддержкой своих инициатив в органы муниципальной власти и т.д.

Процесс формирования сетей поддержки западные авторы определяют как «развитие местных сообществ» или «наращивание потенциала» (community development). Его можно определить также как «работу, которая укрепляет способность общественных организаций создавать собственные структуры, системы, привлекать участников и приобретать практические знания для лучшего понимания и достижения поставленных задач» (Felline 1995).

Для устойчивых социальных сообществ важно соответствие критериям сплоченности и взаимопомощи/реципрокности, которые выделены Д. Сапоновым и А. Смолькиным на основе анализа предлагаемых в литературе критериев инклюзии и апробации редуцированного набора с проверкой уровня их сопряженности для социальной инклюзии пожилых (Сапонов, Смолькин 2012).

Одним из ключевых факторов устойчивых взаимодействий, обеспечивающих социальную инклюзию, являются доверие и высокая оценка надежности контрагента — результат длительного личного знакомства (Реутов, Колпина, Реутова 2012). Понятно, что в данном случае имеется

в виду сообщество людей, живущих близко друг от друга, соседей. В отличие от «сообществ по интересам», такие сообщества — это группы людей, живущих в определенном районе, объединенных общими интересами. Интерес к развитию местных сетей поддержки связан с тем, что «формирование сетей» воплощает популярные теоретические идеи, такие как гражданское участие всех членов сообщества в решении важных вопросов; совместные целенаправленные действия по реализации общих интересов; привлечение жителей к управлению и умению решать неотложные проблемы; получение всеми участниками практического опыта в решении проблем; осознание того, что обучение жизненным навыкам — процесс длиною в жизнь и т.д. Это способствовало бы большей устойчивости в жизни людей и преемственности в жизни общества

По мере развития Интернета исследовательский интерес направлен на изучение специфики сообществ, появляющихся в виртуальной среде и получивших название «онлайн-сообщества», «виртуальные сообщества», «интернет-сообщества» и т.д. Первое определение онлайн-сообщества можно обнаружить в работе Х. Рейнгольда (H. Rheingold 1993): «Виртуальные сообщества являются социальными объединениями, которые вырастают из Сети, когда группа людей поддерживает открытое обсуждение достаточно долго и человечно, для того чтобы сформировать сеть личных отношений в киберпространстве». Среди ключевых черт онлайн-сообществ Приса (Preece 2000) выделяет также разделение общей цели и обеспечение чувства общего единства на основе использования компьютерных технологий.

Онлайн-сообщество образует связи пользователей в интернет-пространстве с целью обмена информацией, эмоциональной поддержки и осуществления межличностных коммуникаций (Chiu et al. 2015). Российские исследователи акцентируют такие функции сообществ, как «общение и поддержание сети межличностных контактов, личная переписка и объединения реальных друзей в виртуальных социальных сетях» (Рыков 2013). Говоря о типологии онлайн-сообществ, исследователи отмечают их многообразие в зависимости от цели и мотивов формирования и приводят примеры дискуссионных площадок, виртуальных миров, целенаправленных сообществ по решению конкретных вопросов (S. Gallegher et al. 2013) и гибридные группы, выявленные также в работе: (Stanojevska-Slabeva, Schmid 2001).

Ряд научных работ акцентирует внимание на факторах, влияющих на вовлечение в онлайн-сообщества, выделяя установление социальных связей и информационный обмен как первостепенные из них (Rissings, Gefen 2006; Foster 2010). В то же время, вторя идеям сетевого подхода М. Грано-

веттера, исследователи находят подтверждения ценности слабых связей в онлайн-среде при поиске конкретной информации и решении узконаправленных задач и запросов (Brown, Reingen 1987; Weiss, Lurie, MacInnis 2008). Х. Тайминен (Taiminen 2016) выявила, что активность самих пользователей влияет на позитивное восприятие сообщества в целом и активности в нем. С. Малинен (Malinen 2015) подчеркивает следующие факторы, способствующие вовлечению участников в онлайн-сообщества: мотивация, персональные характеристики пользователей, групповые процессы, технические инструменты, репутация сообщества.

Изучая взаимосвязь между онлайн- и офлайн-действиями в сообществах туристической направленности, В. Кунц и С. Сешарди (Kunz & Seshardi 2015) приходят к выводу о необходимости построения доверия и симпатии между участниками сообществ. Механизмы социальной поддержки и поддержания социальной идентичности участников способствуют внешней узнаваемости сообществ и привлечению новых членов (Chui et al. 2015). В работе (Wellman, Haase, Witte, Hampton 2001) подчеркивается, что чем больше участников вовлекаются в онлайн дискуссии и группы, тем большее количество будет принимать участие в офлайн-акциях. В то же время отсутствие пользовательской активности наиболее часто приводит к распаду онлайн-сообществ (Ling et al. 2005).

В виртуальной среде появляются сообщества, направленные на разные социальные группы. В этой связи исследование групп в социальных сетях, ориентированных на людей старшего возраста, представляет интерес с позиции объяснения взаимосвязи самоорганизации участников в сообществах и проявления процессов социальной инклюзии в различных областях.

Методология исследования

По оценкам С. Малинен (Malinen 2015), среди проводимых исследований онлайн сообществ абсолютное большинство составляют количественные исследования (64 %), смешанные стратегии занимают 20 % и 16 % — качественные исследования. При этом отмечается, что использование количественных методов в большинстве случаев приводит к описательному исследованию сообществ, в частности характеристиками связей между пользователями и информационного обмена. Стратегия авторского исследования, представленного в статье, соответствует смешанному типу, в нем предпринята попытка изучения связи происходящего в онлайн-среде с офлайн-действительностью.

Исследование выполнено в рамках сетевого подхода, предложенного М. Грановеттером, который еще в 1973 г. поставил вопрос о том, «почему

одни сообщества организуются вокруг общей цели легко и эффективно, а другие не могут мобилизоваться даже перед лицом сильных угроз» (Granovetter 1973: 1373). М. Грановеттер в качестве характеристик сильных связей в сообществе выделял их продолжительность, эмоциональную интенсивность, близость, взаимное доверие и реципрокность. Наличие сильных связей приводит к кластеризации участников сообществ. Б. Узци (Uzzi 2007) использует термин «укорененность» связи, характеризуя его такими параметрами, как доверие, обмен достоверной информацией, наличие механизмов совместного решения проблем.

В настоящем исследовании для оценки онлайн-сообществ использовались термины сильных и слабых сообществ. Под сильными сообществами понимаются такие группы, где каждый участник имеет больше внутренних связей, нежели внешних (Hogan 2015). В исследовании было выдвинуто предположение, что чем теснее связаны участники сообщества между собой, тем более вероятно они организуются на участие в реальных мероприятиях. В соответствии с этим количественная оценка сообществ производилась по расчету сетевых параметров графов пользователей, а также на основе характеристик вовлеченности участников в жизнь сообщества. Оценка офлайн-деятельности сообществ производилась исследователями качественно с помощью анализа фотоотчетов и других материалов с мероприятий, размещенных на страницах сообществ.

Широкий спектр методов, применяемых для анализа сетевых виртуальных сообществ, представлен в работе С. Доуки (Доука 2014). Ю. Рыков исследовал структуру виртуальных сетевых сообществ и отметил проявление социального неравенства в них в форме сетевого неравенства (Рыков 2013). Как справедливо отмечено в работе В.В. Печенкина и В.В. Зайонца, особенно остро при изучении виртуальных сообществ стоит проблема формирования выборки (Печенкин, Зайонец 2011). Достаточно сложно представить себе всю генеральную совокупность онлайн-сообществ, объединяющих людей старших возрастных групп, равно как и определить релевантные критерии для их выделения.

Настоящее исследование было проведено осенью 2017 г. среди сообществ в социальной сети «ВКонтакте». Для отбора групп использовались следующие критерии:

- участниками группы должны быть пользователи старшего возраста (60+) либо группа должна посвящаться тематикам, затрагивающим их интересы;
- численность групп должна быть не менее 50 человек, поскольку расчет данных в меньших группах не позволяет получить статистически значимые результаты и построить обобщения;

- группы имеют потенциал для выхода в офлайн, реальной организации людей старшего возраста,
- группы должны быть открытого типа (для обеспечения сбора всех данных о сообществе).

Поиск групп осуществлялся по ключевым словам: пенсионер, серебряный возраст, третий возраст, кому за 50/60/70. Найденные сообщества были сгруппированы в 3 тематических кластера: образовательной, трудовой и досуговой направленности. Критерий тематической направленности был ключевым при отборе сообществ. Подробно было проанализировано 21 сообщество, удовлетворяющих критериям поиска, а также прошедшие качественную проверку на содержание контента и состава участников. При этом стоит подчеркнуть, что среди большого числа групп, выявленных первоначально при поиске по ключевым словам, было найдено много информационно «мусорных» площадок, которые включили в название такие слова, как «пенсионер», «кому за...», «работа для пенсионеров», «курсы для пенсионеров» и так далее с целью привлечения внимания и расширения аудитории. Преобладание подобных «квазигрупп» в поиске может негативно отразиться на процессе социальной инклюзии тех пользователей старшего возраста, кто ищет в поиске интересные сообщества, но наталкивается на абсолютно не релевантные группы.

Стоит отметить, что представленные в выборке сообщества демонстрируют разную численность — от 7139 до 76 участников. При этом в сообществах, представляющих образовательные либо досуговые организации определенных городов, не было выявлено соответствия масштаба численности сообщества данным о численности городского населения. В исследовании была предпринята попытка изучить широкий спектр возможных структур формирования виртуальных сообществ в узкой тематической направленности.

Сбор данных о пользователях сообществ и связях между ними осуществлялся с помощью веб-краулинга социальной сети «ВКонтакте» автоматизированным инструментом, разработанным в университете ИТМО. Этот аналитический инструмент позволяет по заданной группе (URL сообщества) скачать данные о всех связях пользователей между собой, а также об обмене информацией между пользователями. При этом все данные записываются в формате пар двух связанных вершин в графах пользователей, что позволяет оценивать характеристики сообщества в логике теории графов. Полученные данные были обработаны программным пакетом Gephi, позволяющим визуализировать графы участников сообщества и основные его параметры.

В ходе исследования использовались два среза данных. Для анализа связи участников сообществ и их сплоченности были рассчитаны следующие показатели:

- плотность сообщества — индикатор полноты связей всех участников сообщества между собой (при связи всех со всеми дает 1);
- диаметр — параметр удаленности друг от друга двух максимально удаленных узлов графа;
- средняя степень вершины — среднее количество связей одного участника в сообществе;
- средняя длина — расстояние между всеми парами соединенных узлов;
- модулярность — процент присутствия сообществ внутри графа.

О наличии связи между участниками в исследовании свидетельствовало установление контакта виртуальной дружбы (дружбы в социальной сети «ВКонтакте»).

Для анализа взаимодействия между участниками, распространения информации использовались следующие параметры: число публикаций (постов), число репостов (перепубликации сообщений), доля участников, распространяющих сообщения, доля контента, распространенного за пределы сообщества.

Кроме того, с помощью сервиса Socstat (socstat.ru) для каждого сообщества был рассчитан показатель вовлеченности (Engagement rate, ER) как соотношение суммы всех реакций (комментарии, лайки, репосты) к общему количеству участников. Этот показатель был использован для оценки откликов аудитории на информацию, публикуемую в сообществах. Поскольку исследуемые сообщества имели разную дату создания, для расчета показателя ER использовались данные за единый период: 01.01.2015 — 20.03.2018.

Качественный анализ контента в сообществах проводился, чтобы выявить, являются ли сообщества действительно социальными. При проведении исследования были собраны следующие качественные данные: открытость/закрытость сообщества, наличие деятельности офлайн, наличие обсуждений проведенных мероприятий между пользователями (фототчеты, сообщения о реальных встречах, информация о функционировании конкретных организаций (при ее размещении в сообществах)). Проведенный анализ позволил сделать выводы о функционировании сообществ в реальной среде, а также об индикаторах социальной инклюзии людей старших групп в образовательной, трудовой и досуговой сферах.

Результаты исследования

В ходе исследования были проанализированы 11 сообществ образовательной тематики. По результатам исследования, было выявлено, что сообщества характеризуются низкой плотностью связей между пользователями, что свидетельствует о неполноте графа связей пользователей (табл. 1). В среднем каждый пользователь в исследованных группах был связан с другими через 7 пользователей. Наиболее тесно связаны между собой участники сообщества «“Полезный компьютер”: курсы для пенсионеров», где каждый участник взаимодействует с другими через двух пользователей.

Таблица 1

Характеристики образовательных онлайн-сообществ «ВКонтакте», 2017 г.

Название группы	Кол-во участников	Плотность	Диаметр	Средняя степень вершины	Средняя длина	Модулярность	Мероприятия офлайн
Университет третьего возраста ИТМО	168	0,058	6	2,135	4,767	0,538	да
Университет третьего возраста. Школа танцев (Казань)	82	0,062	5	2,052	4,667	0,487	да
Университет третьего возраста. Гатчина	291	0,028	8	3,465	9,681	0,502	да
Университет «Серебряный возраст» (Санкт-Петербург)	545	0,016	9	3,128	10,6	0,417	да
Университет третьего возраста (г. Киров)	305	0,018	10	4,093	5,571	0,611	да
Народный университет третьего возраста (г. Уфа)	114	0,069	6	2,711	5,3	0,495	да
Сиверская школа третьего возраста	204	0,038	8	3,073	9,238	0,472	да
Минский университет третьего возраста	807	0,009	10	3,254	7,503	0,565	да
Обучение для пенсионеров (Екатеринбург)	962	0,005	10	3,641	5,513	0,711	да
АНО «Центр “Третий возраст”» (г. Тюмень)	81	0,055	5	7,447	2,662	0,429	да
«Полезный компьютер»: курсы для пенсионеров (Санкт-Петербург)	333	0,053	2	1,043	2,2	0,631	да

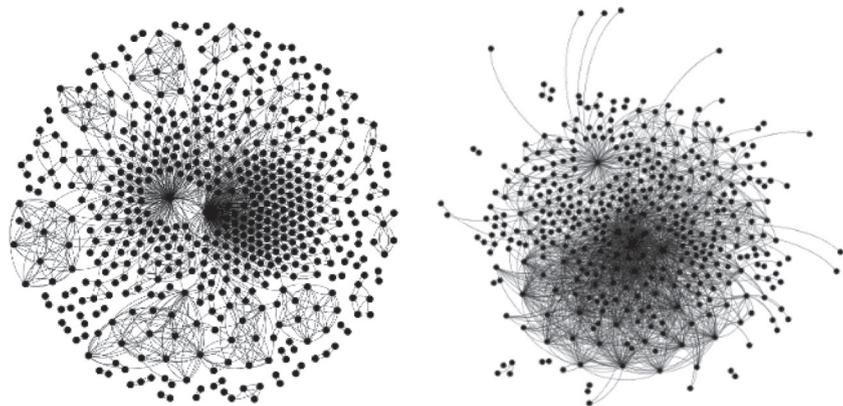

Рис. 1. Графы связей участников сообществ «Обучение для пенсионеров» (слева) и «Университет “Серебряный возраст”» (справа)

Модулярность — одна из общепринятых характеристик сообщества. Практически во всех исследуемых сообществах был зафиксирован уровень модулярности, приближенный к 0,5 и выше. Это свидетельствует о формировании отдельных кластеров пользователей внутри групп. На рисунке 1 представлены графы сообществ, характеризующихся высокой модулярностью.

По данным веб-краулинга, каждый пользователь в сообществах был связан с 2–7 участниками сообществ, о чем свидетельствуют значения средней степени графов. Наивысшее значение показателя было зафиксировано в группе АНО «Центр “Третий возраст”» (г. Тюмень). Параметры средней длины пользователей показывают связь участников с другими через 2–10 других членов группы.

Распространение информации между участниками сообществ не показало существенной интенсивности: при публикации в среднем менее 1 сообщения в группе в день число републикаций контента на собственной странице участников не превышало 1 репост на сообщение (табл. 2). В целом участники представленных сообществ не становятся активными распространителями информации за пределами сообществ (например, путем размещения постов на своих личных страницах). В целом не более ¼ пользователей делают репосты контента со стены группы.

Для анализа востребованности контента, размещенного в сообществах, была рассчитана доля опубликованного контента с репостами. В среднем в исследуемых группах этот показатель составил 22,2 %.

Таблица 2

**Показатели распространения информации в образовательных
онлайн-сообществах «ВКонтакте», 2017 г.**

Сообщество	Кол-во публикаций в день	Кол-во репостов на 1 сообщение	% пользователей, делающих репосты	% опубликованного контента с репостами	Engagement rate ER (%)
Университет третьего возраста ИТМО	0,21	0,24	23,81	17,76	0,7
Университет третьего возраста. Школа танцев	0,22	0,27	15,85	19,59	4,8
Университет третьего возраста. Гатчина	0,37	0,07	7,22	4,06	1,3
Университет «Серебряный возраст»	0,16	0,01	0,55	0,23	0,1
Университет третьего возраста	1,15	0,15	14,75	12,63	2,4
Народный университет третьего возраста	0,33	0,05	5,26	4	0,4
Сиверская школа третьего возраста	0,27	0,2	13,24	14,21	2,0
Минский университет третьего возраста	0,5	0,52	21,19	26,51	0,7
Обучение для пенсионеров	0,33	0,26	6,44	14,29	0,3
АНО «Центр “Третий возраст”»	0,06	1	4,94	40	3,8
«Полезный компьютер»: курсы для пенсионеров	0,07	0	0	0	0,1

Наибольшая активность по распространению информации была зафиксирована в сообществах «Школа третьего возраста» и «Минский университет третьего возраста». На рисунке 2 (справа) представлен граф связей тех участников сообщества, которые поделились постами на своей странице (репостеры).

В группе «Минский университет третьего возраста» регулярно публикуются сообщения информационного характера, при этом публикацию могут сделать не только администраторы группы, но и ее участники. Представленный контент соответствует тематике сообщества, сообщения адресованы целевой аудитории, однако показатель вовлеченности аудитории (ER) не превышает 1 %.

Как показал качественный анализ сообществ с наиболее низкими показателями по републикации контента («Полезный компьютер», «Универ-

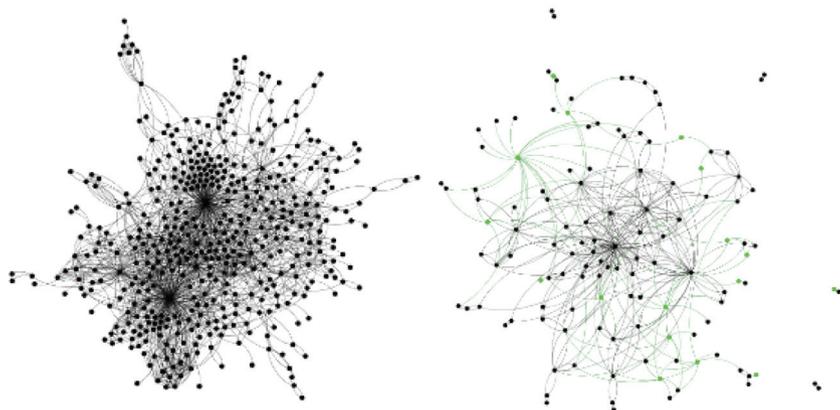

Рис. 2. Графы сообщества (слева) и связи репостеров (справа) в онлайн сообществе «Минский университет третьего возраста»

ситет «Серебряный возраст»), в группах публикуют много «мусорной информации» (объявления, не относящиеся к теме, назойливая реклама). Такое положение дел снижает интерес к информационному полю группы, в котором можно потерять из поля зрения действительно важные информационные сообщения.

Анализ проведенных мероприятий выявил достаточно широкий разброс проводимых встреч и событий: в казанской школе танцев размещены фотоотчеты с 13 танцевальных мероприятий, в гатчинском «Университете третьего возраста» — 90 (с 2014 г.), в петербургском «Университете третьего возраста» — 35 (с 2009 г.), в Сиверской школе — 23 (с 2011 г.), в Кировском университете — 40 (с 2016 г.). Кроме того, было обнаружено, что совместные образовательные практики приводят к вовлечению участников в деятельность других областей. В группе «Обучение для пенсионеров» (Екатеринбург), ориентированной изначально на курсы компьютерной грамотности, было обнаружено 115 мероприятий, проведенных по самым разным тематикам, включая работу театральной студии, палаточного лагеря, кастингов волонтеров, походов в музеи и даже флэшмобов.

Параметры сетевых сообществ для пожилых в сфере предложений по трудоустройству

В исследовании оценивались 4 сообщества, представляющие информацию для трудоустройства и развития творческих практик людей старшего возраста. Наиболее многочисленное сообщество «Работа для пен-

сионеров и инвалидов» является по сути доской объявлений с высокой степенью кластеризации участников (табл. 3). В среднем каждый участник в сообществах данной тематики связан с еще тремя другими пользователями.

Таблица 3

Характеристики онлайн-сообществ для людей старшего возраста в сфере предложений по трудоустройству «ВКонтакте», 2017 г.

Название группы	Кол-во участников	Плотность	Диаметр	Средняя степень вершины	Средняя длина	Модулярность	Мероприятия офлайн
Работа для пенсионеров и инвалидов	7139	0,001	13	5,092	5,096	0,693	нет
Ресурсы третьего возраста	87	0,049	6	2,852	5,155	0,43	нет
Артель мастеров (проект Школы третьего возраста)	108	0,031	3	1,413	2,23	0,801	да

За исключением вышеобозначенной площадки объявлений, где каждый день появляется в среднем до 26 постов, в остальных сообществах редко публикуется более одного поста в день (табл. 4). Среди сообществ по трудоустройству интересен кейс сообщества «Артель мастеров», объединяющая ремесленников и художников, работающих в различных тех-

Таблица 4

Показатели распространения информации в сообществах по трудоустройству пожилых «ВКонтакте», 2017 г.

Работа	Кол-во публикаций в день	Кол-во репостов на 1 сообщение	% пользователей, делающих репосты	% опубликованного контента с репостами	ER (%)
Работа для пенсионеров и инвалидов	26,86	0	0,2	0,02	0,0
Ресурсы третьего возраста	0,35	0,15	13,79	12,5	1,0
Артель мастеров (проект Школы третьего возраста)	0,09	0,54	33,33	28,26	0,3

никах и манерах. Этот проект петербургской «Школы третьего возраста» на своей странице обозначает, что «благодаря активному участию пожилых людей в различных образовательных мероприятиях изменяется их мировоззрение, степень участия в общественной жизни, и тем самым все происходящие изменения в обществе обретают большую продуктивность и осмысленность». Подобное позиционирование отражается в качестве контента, а также в высоком проценте его перепубликации участниками сообщества.

В предыдущих исследованиях репрезентации возможности занятости пожилых в информационном пространстве Интернета была выявлена тенденция к размыванию целевой аудитории подобных тематических ресурсов, а также равнозначное использование понятий «пожилой» и «пенсионер» (Григорьева, Бершадская, Дмитриева 2014). Существенное расширение целевой аудитории было обнаружено в двух исследованных сообществах («Работа для пенсионеров» и «Ресурсы третьего возраста»), где помимо администраторов сообщения могут размещать все пользователи, что приводит к «засорению» действительно релевантной информации.

Параметры сетевых сообществ для пожилых в сфере досуга

Досуговые сообщества в исследовании были представлены достаточно широким спектром подтематик: знакомства, спорт, здоровье, помощь, креатив и творчество. В сообществах этой тематики также обнаружена тенденция низкой плотности сообщества и образования кластеров. Наиболее многочисленные группы «Второй полтинник» и «Полезно пенсионерам» в ходе анализа продемонстрировали наибольшие параметры удаленности участников друг от друга (плотность и диаметр). Качественный анализ публикуемых материалов также подтвердил, что данные площадки являются скорее информационным рупором, чем реальными социальными сообществами людей старшего возраста (табл. 5).

В ходе анализа были выделены два сообщества, где более 60 % всего публикуемого контента получают репост: Второй полтинник и Серебряный возраст (г. Кондопога). Стоит подчеркнуть, что в первом случае распространением информации занимается почти каждый пятый участник группы, а во втором — чуть менее 5 % от общего числа участников (табл. 6). Размещенная информация является интересной, любопытной для участников, однако не приводит к установлению новых социальных связей между ними. В изученных досуговых сообществах не было выявлено значимой корреляции между количеством публикуемых сообщений и их репостами.

Таблица 5

**Характеристики досуговых онлайн сообществ для людей старшего
возраста в «ВКонтакте», 2017 г.**

Название группы	Кол-во участни- ков	Плотность	Диаметр	Средняя степень вершины	Средняя длина	Модулярность	Мероприятия офлайн
Второй полтинник (Для тех, кому за 50)	3417	0,002	16	4,6	2,353	0,869	нет
Клуб пенсионеров-оптимистов	469	0,05	2	1,063	2,143	0,656	нет
Будьте здоровы! Третий возраст	76	0,141	4	1,9	11,5	0,21	да
«Полезно пенсионерам». Газета в Санкт-Петербурге	1401	0,002	10	4,742	2,87	0,838	нет
«Жизнелюб» — творчество третьего возраста Казань	222	0,027	10	4,321	8,142	0,759	да
Серебряный возраст (Кондопога)	470	0,023	11	3,251	10,422	0,558	да
Пенсионеры Южного Урала	584	0,015	6	2,499	3,368	0,796	нет

Таблица 6

**Показатели распространения информации в досуговых сообществах
для пожилых «ВКонтакте», 2017 г.**

Сообщества	Кол-во публика- ций в день	Кол-во репостов на 1 сообщение	% пользователей, делающих репосты	% опубликован- ного контента с репостами	ER (%)
Второй полтинник (Для тех, кому за 50)	0,2	3,89	23,21	70,72	0,8
Клуб пенсионеров-оптимистов	0,51	0,18	12,37	8,56	0,1
Будьте здоровы! Третий возраст	0,35	0,14	17,11	9,73	4,1
«Полезно пенсионерам». Газета в Санкт-Петербурге	0,69	0,27	12,28	15,98	0,2
«Жизнелюб» — творчество третьего возраста Казань	1,14	0,29	10,81	20,83	0,8
Серебряный возраст (Кондопога)	1,91	1,3	4,77	61,57	0,3
Пенсионеры Южного Урала	6,29	0,68	4,45	11,36	0,9

При качественной оценке контента в группах было обнаружено достаточно существенное количество мероприятий, состоявшихся в офлайн-среде. Можно сделать предположение, что определяющую роль здесь имеет тематическая направленность групп. Например, группа «Будьте здоровы! Третий возраст» регулярно публикуют фотоотчеты с совместных тренировок, выездных экскурсий, сдачи норм ГТО и т.д. С одной стороны, очевидно, что подобные активные практики просто невозможны в онлайн-среде. С другой стороны, в сообществе обнаружены позитивные комментарии под размещенными фотографиями, а также слова благодарности инструкторам и волонтерам, что свидетельствует о формировании реальных социальных практик совместного времяпровождения людей старших возрастных групп. Сообщество «Серебряный возраст (Кондопога)» также является примером формирования и поддержания реального социального сообщества людей старшего поколения: в группе размещены фотоотчеты с более чем 270 мероприятий (собрания клуба, коллективные именины, праздники, пикники, спортивные мероприятия).

Выводы

Проведенное исследование позволило сделать выводы о формировании сообществ, характеризующихся слабыми онлайн-связями между пользователями групп людей старшего возраста «ВКонтакте».

Сообщества характеризуются низкой плотностью связей между пользователями, что свидетельствует о неполноте графа связей пользователей. Обнаруженная высокая модулярность свидетельствует о существовании реальных кластеров (как правило, небольших) среди участников сообществ, соединенных между собой связями виртуальной дружбы.

При обобщении результатов исследования был проведен выборочный корреляционный анализ, направленный на обнаружение взаимосвязи между различными параметрами в исследованных сообществах. Анализ всех пар связей параметров в большинстве случаев не выявил статистически значимых связей. Наличие зависимостей было обнаружено для следующих параметров:

- чем меньше число участников сообщества, тем вероятнее в сообществе проводятся реальные мероприятия (коэф. 0,53);
- чем выше плотность сообщества, тем больше показатель вовлеченности аудитории (коэф. 0,56),
- чем ниже модулярность, тем выше показатель вовлеченности аудитории (коэф. 0,58).

В исследуемых сообществах была обнаружена следующая стратегия социальной инклюзии в онлайн-пространстве: пользователи старших

возрастных групп становятся участниками интересных для них сообществ, но не спешат устанавливать отношения «виртуальной дружбы» с другими пользователями внутри сообществ. В то же время представленные площадки демонстрируют возможности для образовательной инклюзии людей старшего возраста. Образовательные сообщества публикуются отчеты и фотографии с мероприятий в офлайн-режиме, что подтверждает реальное, а не виртуальное вовлечение в образовательные практики. Можно сделать предположение, что обнаруженные кластеры пользователей соответствуют реальным участникам отдельных образовательных групп.

Оценивая показатели информационной активности, важно отметить достаточно низкое число репостов на сообщения и малую долю контента, распространяемого между участниками сообществ и за их пределы (за редкими исключениями, описанными выше). Практика показывает, что пользователи предпочитают «осторожное использование» социальных сетей для получения информации, но не для информационного обмена.

В изученных группах реальное социальное сообщество формируется изначально в офлайн-среде, где происходят все ключевые мероприятия, а их организаторы используют площадки в социальных сетях как один из каналов информирования целевой аудитории.

Исследованием было обнаружено, что отсутствие пользовательской активности (низкий показатель вовлеченности, низкий процент распространения контента) не приводит к распаду сообществ. Напротив, проведенный в момент написания статьи дополнительный подсчет количества участников в изученных сообществах выявил тенденцию к устойчивому росту их членов: в 17-ти численность участников увеличилась (в отдельных сообществах на 28–30 %), в трех осталась на прежнем уровне, и только в одном уменьшилась.

Очевидно, что традиционно используемые маркетинговые показатели и механизмы оценки активности не подходят для представленных целевых групп. Ярким примером здесь может быть сообщество «Народный университет третьего возраста» (Республика Башкортостан), в котором размещено всего 108 фотографий с нескольких мероприятий, в то время как за 5 лет его существования только в Уфе прошли обучение 25 тысяч пенсионеров, а по всей республике — 83 тысячи. Пользователи старших возрастных групп используют подобные площадки, чтобы получить информацию о мероприятиях и принять в них реальное участие, но не имеют потребности комментировать материалы или делать репосты.

При формировании выборочной совокупности был обнаружен достаточно большой объем целевых групп, однако при анализе параметров

сетевых графов сообществ были выявлены низкая сплоченность пользователей и их кластеризация внутри отдельных тематических подгрупп внутри сообществ.

По результатам анализа сообществ установлено, что популярность среди пользователей и реальную востребованность чаще обретают организованные группы, где ответственные модераторы следят за качеством контента и частотой его публикаций. С одной стороны, здесь в определенной степени срабатывает психологический механизм повышения доверия к ресурсу при его институционализации. С другой стороны, доверие повышается также за счет публикации фоторепортажей с реальных офлайн-мероприятий, демонстрирующих реальную инклюзию людей старшего возраста в образовательные, досуговые, общественно-политические практики.

В качестве практических рекомендаций можно отметить, что люди старшего возраста все активнее используют социальные сети, их можно заинтересовать и привлечь в сообщество. Однако для эффективной социальной инклюзии необходима поддержка определенного уровня доверия к происходящему в группе и публикуемым сведениям, а также актуальный контент, освещающий мероприятия в офлайн-среде.

Интерес на последующих этапах работы следует сконцентрировать на качественных исследованиях пользователей сообществ с целью выявления паттернов использования групп, а также публикуемого контента. Результаты подобных исследований смогут быть использованы в практике развития и поддержания сообществ, ориентированных на рассматриваемую целевую группу. Отметим, что у нас пока очень мало данных, позволяющих судить о наличии реципрокности/возвратности в онлайн-сообществах пожилых. Это свойство офлайн-сообществ чрезвычайно важно для сохранения их инклюзивного, а по сути социального характера.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03434) по теме: «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии».

Литература

Биккулов А.С., Сергеева О.В. (2016) «Компьютер не роскошь, а средство...»: включенность в цифровой мир старших возрастных групп по результатам эмпирического исследования. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, серия «Социальные науки»*, 2: 95–103.

Вебер М. (1990) Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс.

Видясова Л.А., Новиков Д.М., Биккулов А.С. (2017) Исследование виртуальных сообществ пользователей старшего возраста в социальных сетях. *Государство и граждане в электронной среде*, 1: 279–286.

Григорьева И.А., Бершадская Л.А., Дмитриева А.В. (2014) На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 17(3): 151–167.

Григорьева И.А., Келасьев В.Н. (2016) Интернет в жизни пожилых: намерения и реальность. *Социологические исследования*, 11: 82–85.

Григорьева И.А., Биккулов А.С. (2013) Пожилые в мире ИКТ. Социальное включение, занятость или новая форма потребления? *Интернет и современное общество: сборник научных статей XVI Всероссийской объединенной конференции IMS–2013*, Санкт-Петербург, 9–11 октября 2013 г. СПб.: НИУ ИТМО: 123–128.

Дмитриева А.В. (2012) Социальное включение/исключение как принцип структуриации современного общества. *Социологический журнал*, 2012, 2: 98–114.

Дмитриева А.В. (2015) Компьютерная грамотность как инструмент социального включения пожилых людей в современное общество. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18(3): 184–197.

Докука С.В. (2014) Использование сетевого подхода для анализа структуры и функционирования сообществ в социальных онлайн-сетях. *Инновации и Инвестиции*, 1: 179–183.

Институты самоуправления: историко-правовое исследование (1995). М.: Наука.

Печенкин В.В., Зайонц В.В. (2011) Сетевые методы исследования виртуальных сообществ. *Теория и практика общественного развития*, 5: 71–75.

Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. (2015) Отходничество как новый фактор общественной жизни. *Мир России: социология, этнология*, 24(1): 35–71.

Проникновение интернета в России: итоги 2017 года [http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/01/GfK_Rus_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018.pdf] (дата обращения: 03.02.18)

Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н. (2012) Социальные сети и повседневные практики населения Белгородской области. *Социологические исследования*, 10: 34–41.

Реутов Е.В., Бояринова И.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н. (2011) Эффективность социальных сетей в региональном сообществе. *Социологические исследования*, 1: 79–88.

Рыков Ю.Г. (2013) Виртуальное сообщество как социальное поле: неравенство и коммуникативный капитал. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 16(4): 44–60.

Салустович П. (2000) Европейский социум в условиях перехода: гражданское общество и социальная работа. *Проблемы теоретической социологии*. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ: 160–175.

Сапонов Д.И., Смолькин А.А. (2012) Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения. *Мониторинг общественного мнения*, 9–10: 83–94.

Сергеева О.В. (2014) Пожилые люди за компьютером. *Человек*, 3: 42–46.

Фуко М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem.

Ярская В.Н., Шеляхина Н. (2015) Специальные социальные сети в Интернете с ограничением пользовательского интерфейса. *Вестник СГТУ*, 2(79): 126–132.

Ярская В.Н. (2017) Темпорально-смысловая дистанция в поле социальной сплоченности (опыт анализа социальных сетей). *Социологические исследования*, 1: 14–24.

Abrahamson P. (1993) *Social Policy in Changing Europe*, Roskilde: Roskilde University Press.

Abrams P. et al. (1989) *Neighbourhood Care and Social Policy*. London: HMSO.

Brown T.J., Reingen P. (1987) Social ties and word-of-mouth referral behavior. *Journal of Consumer Research*, 14: 350–362.

Butakov N., Petrov M., Radice A. (2016) Multitenant Approach to Crawling of Online Social Networks. *Procedia Computer Science*, 101: 115–124.

Chiu C.-M., Huang H.-Y., Cheng H.-L., Sun P.-C. (2015) Understanding online community citizenship behaviors through social support and social identity. *International Journal of Information Management*, 35 (4): 504–519.

Felline P. (2001) *The Community and the Social Worker*. Adelaide, South Australia: Peacock Publishers, 2001. 389 p.

Foster C., Francescucci A., West B.C. (2010) Why users participate in online social networks. *International Journal of e-Business Management*, 4: 3–19.

Gallagher S.E., Savage T. (2013) Cross-cultural analysis in online community research: A literature review. *Computers in Human Behavior*, 29: 1028–1038.

Granovetter M.S. (1973) The Strength of Weak Ties. *The American Journal of Sociology*, 78 (6): 1360–1380.

Grigoryeva I., Dmitrieva A. (2016) ICT Use as a New Consumer Practice of Elderly People and their Quality of Life. *SGEM2016 Conference Proceeding. 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts*: 25–33.

Grigoryeva I., Shubinskiy M., Mayorova E. (2014) ICT as a driver for senior citizens' social inclusion. In: *ACM International Conference Proceedings Series*, 2: 753.

Henderson P., Thomas D.N. (2000) *Skills in Neighbourhood Work*. 2nd ed. L.; N.Y.: Routledge.

Hogan C.J. (2015) Community detection detailed for online social networks. In: *Theses and Dissertations (Comprehensive) 1737* [<http://scholars.wlu.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=2839&context=etd>] (дата обращения: 30.04.18).

Kunz W., Seshardi S. (2015) From virtual travelers to real friends: Relationship-building insights from an online travel community. *Journal of Business Research*, 68: 1822–1828.

Ling K., Beenen G., Ludford P., Wang X., Chang K., Li X. (2005) Using social psychology to motivate contributions to online communities. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 10(4). <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2005.tb00273.x>

Loipha S. (2014) Thai Elderly Behavior of Internet Use. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 147: 104–110. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.07.125>.

Malinen S. (2015) Understanding user participation in online communities: A systematic literature review of empirical studies. *Computers in Human Behavior*, 46: 228–238.

Preece J. (2000) *Online communities: Designing usability, supporting sociability*. N.Y.: Wiley.

Rheingold H. (1993) *The virtual community. Homesteading on the electronic frontier*. L.: MIT Press.

Ridings C.M., Gefen D., Arinze B. (2002) Some antecedents and effects of trust in virtual communities. *The Journal of Strategic Information Systems*, 11: 217–295.

Salahuddin M., Tisdell C., Burton L., Alam K. (2016) Does internet stimulate the accumulation of social capital? A macro-perspective from Australia. *Economic Analysis and Policy*, 49: 43–55.

Stanoevska-Slabeva K., Schmid B.F. (2001) A typology of online communities and community supporting platforms. In: *Proceedings of the 34th Hawaii international conference on system sciences*. [<http://ieeexplore.ieee.org/document/927041/>] (дата обращения: 30.04.2018).

Taiminen H. (2016) How do online communities matter? Comparison between active and non-active participants in an online behavioral weight loss program. *Computers in Human Behavior*, 63: 787–795.

Thomas D.N. (1995) *Helping communities in better Health: The Community Development Approach*. Cardiff: Health Promotion Wales.

Tonnies F. (1920) *Gemeinschaft und Gesellschaft*, 3. Aufl., Berlin.

Uzzi B. (2007) The sources and consequences of embeddedness for the economic performance of organizations: the network effect. *Economic Sociology*, 8(3): 44–60.

Weiss A.M., Lurie N.H., MacInnis D.J. (2008) Listening to strangers: whose responses are valuable, how valuable are they, and why? *Journal of Marketing Research*, 45(4): 425–436.

Wellman B., Haase A.Q., Witte J., Hampton K. (2001) Does the Internet increase, decrease, or supplement social capital? Social networks, participation, and community commitment. *American Behavioral Scientist*, 45(3): 436–455.

SOCIAL INCLUSION OF THE ELDERLY THROUGH INTERACTION IN THE ONLINE ENVIRONMENT (THE CASE OF ONLINE COMMUNITIES IN THE SOCIAL NETWORK “VKONTAKTE”)

Lyudmila Vidasova^a, Irina Grigoryeva^{a,b}*

^a ITMO University, Saint Petersburg, Russia

^b Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Vidasova L., Grigoryeva I. Issledovaniye vozmozhnostey sotsial'noy inkluzii pozhilykh cherez vzaimodeystviye v onlayn srede (na primere soobshchestv v sotsial'noy seti “VKontakte”) [Social inclusion of the elderly through interaction in the online environment (the case of online communities in the social network “VKontakte”)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(2): 106–132 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.4>

Abstract. The paper presents the research on 21 online communities of older people in social network VKontakte focusing on educational, work and leisure activities. The research was carried out on the basis of a network approach using automated data analysis tools that allows to evaluate the characteristics of communities, as well as the processes of information exchange between the participants. The study used the method of network data analysis, automated online community web-crawling, as well as Gephi software packages and social network analysis service Socstat. The analysis was supplemented by a qualitative study of content published in groups, as well as events conducted in real life. The research led to conclusions about the formation of communities characterized by weak online connections between users of older age groups in VKontakte. In the studied groups, the real social community is formed initially in offline environment where all key activities take place, and their organizers use social networks as one of information channels for the target audience. The observed high modularity indicates the existence of real clusters (usually small ones) among community members connected by ties of virtual friendship. The study found that the lack of user activity does not lead to the decay of communities, and their number, on the contrary, increases.

According to the results of the research, for effective social inclusion it is necessary to maintain a certain level of trust in what is happening in the group and the information published, as well as the current content covering activities in the offline environment.

Keywords: social networks, online communities, elderly, social inclusion, network analysis, network approach, weak links, engagement.

* Corresponding author. E-mail: soc2@yandex.ru

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 14-18-03434) on the topic: "Models of interaction between society and the elderly: a study of the possibilities of social inclusion".

References

- Abrahamson P. (1993) *Social Policy in Changing Europe*. Roskilde: Roskilde University Press.
- Abrams P. et al. (1989) *Neighbourhood Care and Social Policy*. London: HMSO.
- Bikkulov A.S., Sergeyeva O.V. (2016) Komp'yuter ne roskosh', a sredstvo...»: vkluchennost' v cifrovoy mir starshih vozrastnyh grupp po rezul'tatam jempiricheskogo issledovaniya [Personal computer as everyday technology: empirical research of computer usage among Russian elderly]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, serija: Social'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences], 2: 95–103 (in Russian).
- Brown T.J., Reingen P. (1987) Social ties and world-of-mouth referral behavior. *Journal of Consumer Research*, 14: 350–362.
- Butakov N., Petrov M., Radice A. (2016) Multitenant Approach to Crawling of Online Social Networks. *Procedia Computer Science*, 101:115–124.
- Chiu C.-M., Huang H.-Y., Cheng H.-L., Sun P.-C. (2015) Understanding online community citizenship behaviors through social support and social identity. *International Journal of Information Management*, 35(4): 504–519.
- Dmitrieva A.V. (2012) Sotsial'noye vklyucheniye/isklyucheniye kak printsip struktursii sovremennogo obshchestva [Social inclusion/exclusion as modern society structuration principle]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 2: 98–114 (in Russian).
- Dmitrieva A.V. (2015) Kompyuternaya gramotnost kak instrument socialnogo vklyucheniya pozhihlyh lyudej v sovremennoe obshchestvo. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 18(3): 184–197 (in Russian).
- Dokuka S.V. (2014) Ispol'zovanie setevogo podkhoda dlya analiza struktury i funktsionirovaniya soobshhestv v sotsial'nykh onlajn-setyakh. [Using a network approach to analyze the structure and functioning of communities in social online networks]. *Innovatsii i Investitsii* [Innovations and Investments], 1: 179–183 (in Russian).
- Felline P. (2001) *The Community and the Social Worker*. Adelaide, South Australia: Peacock Publishers.
- Foster C., Franciscucci A., West B.C. (2010) Why users participate in online social networks. *International Journal of e-Business Management*, 4: 3–19.
- Foucault M. (1977) *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*. London: Penguin Books.
- Gallagher S.E., Savage T. (2013) Cross-cultural analysis in online community research: A literature review. *Computers in Human Behavior*, 29: 1028–1038.
- Granovetter M.S. (1973) The Strength of Weak Ties. *The American Journal of Sociology*, 78(6): 1360–1380.
- Grigoryeva I., Dmitrieva A. (2016) ICT Use as a New Consumer Practice of Elderly People and their Quality of Life. *SGEM2016 Conference Proceeding. 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts*: 25–33.

Grigoryeva I.A., Bershadskaya L.A., Dmitrieva A.V. (2014) Na puti k normativnoj modeli otnoshenij obshhestva s pozhilymi ljud'mi [On the way to the normative model relationship of the society with elderly people]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 17(3): 151–167 (in Russian).

Grigoryeva I.A., Kelasev V.N. (2016) Internet v zhizni pozhilyh: namerenija i real'nost' [Internet in the life of elderly people: intentions and realities]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 11: 82–85 (in Russian).

Henderson P., Thomas D.N. (2000) *Skills in Neighbourhood Work*. 2nd ed. London; New York: Routledge.

Hogan C.J. (2015) Community detection detailed for online social networks. In: *Theses and Dissertations (Comprehensive) 1737* [<http://scholars.wlu.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=2839&context=etd>] (accessed: 30.04.18).

Instituty samoupravleniya: istoriko-pravovoye issledovaniye [Institutions of self-government: historical and legal research] (1995). Moscow: Nauka (in Russian).

Kunz W., Seshardi S. (2015) From virtual travelers to real friends: Relationship-building insights from an online travel community. *Journal of Business Research*, 68: 1822–1828.

Ling K., Beenen G., Ludford P., Wang X., Chang K., Li X. (2005) Using social psychology to motivate contributions to online communities. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 10(4). <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2005.tb00273.x>

Loipha S. (2014) Thai Elderly Behavior of Internet Use. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 147: 104–110. ISSN 1877-0428, <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.07.125>.

Malinen S. (2015) Understanding user participation in online communities: A systematic literature review of empirical studies. *Computers in Human Behavior*, 46: 228–238.

Pechenkin V.V., Zayonts V.V. (2011) Setevye metody issledovaniya virtual'nyh soobshhestv [Network research methods of virtual communities]. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 5: 71–75 (in Russian).

Plusnin J., Pozanenko A., Zhidkevich N. (2015) Othodnichestvo kak novyj faktor obshhestvennoj zhizni [Seasonal Work (Otkhodnichestvo) as a New Social Phenomenon in Modern Russia]. *Mir Rossii: Sociologija, jetnologija* [Universe of Russia], 24 (1): 35–71 (in Russian).

Preece J. (2000) *Online communities: Designing usability, supporting sociability*. New York: Wiley.

Proniknovenie interneta v Rossii: itogi 2017 goda [http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/01/GfK_Rus_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018.pdf] (accessed: 03.02.18).

Reutov E.V., Kolpina L.V., Reutova M.N. (2012) Social'nye seti i povsednevnye praktiki naselenija Belgorodskoj oblasti. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 10: 34–41 (in Russian).

Reutov E.V., Kolpina L.V., Reutova M.N., Boyarinova I.V. (2011) Jeffektivnost' social'nyh setej v regional'nom soobshhestve [Effectiveness of social networks in regional community]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1: 79–88 (in Russian).

Rykov Y. (2013) Virtual'noe soobshhestvo kak social'noe pole: Neravenstvo i komunikativnyj kapital [Virtual community as a social field: Inequality and communicative capital]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii*, 16(4): 44–60 (in Russian).

Rheingold H. (1993) *The virtual community. Homesteading on the electronic frontier*. London: MIT Press.

Ridings C.M., Gefen D., Arinze B. (2002) Some antecedents and effects of trust in virtual communities. *The Journal of Strategic Information Systems*, 11: 217–295.

Salahuddin M., Tisdell C., Burton L., Alam K. (2016) Does internet stimulate the accumulation of social capital? A macro-perspective from Australia. *Economic Analysis and Policy*, 49: 43–55.

Salustovich P. (2000) Evropejskij socium v uslovijah perehoda: grazhdanskoe obshhestvo i social'naja rabota [European society in transition: civil society and social work]. *Problemy teoreticheskoy sociologii* [The problems of theoretical sociology], 3. SPbU: 160–175 (in Russian).

Saponov D.I., Smolkin A.A. (2012) Social'naja jekskljuzija pozhylyh: k razrabotke modeli izmerenija [Social exclusion of the elderly: the development of a measurement model]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya* [Public Opinion Monitoring], 9–10: 83–94 (in Russian).

Sergeyeva O.V. (2014) Pozhilye ljudi za komp'yuterom [From print text to digital text: changing of elderly user's habits]. *Chelovek* [Human being], 3: 42–46 (in Russian).

Stanoevska-Slabeva K., Schmid B.F. (2001) A typology of online communities and community supporting platforms. In: *Proceedings of the 34th Hawaii international conference on system sciences*. [<http://ieeexplore.ieee.org/document/927041/>] (accessed: 30.04.18).

Taiminen H. (2016) How do online communities matter? Comparison between active and non-active participants in an online behavioral weight loss program. *Computers in Human Behavior*, 63: 787–795.

Thomas D.N. (1995) *Helping communities in better Health: The Community Development Approach*. Cardiff: Health Promotion Wales.

Uzzi B. (2007) The sources and consequences of embeddedness for the economic performance of organizations: the network effect. *Economic Sociology*, 8 (3): 44–60.

Vidiasova L.A., Novikov D.M., Bikkulov A.S. (2017) Issledovanie virtual'nykh soobshhestv pol'zovatelej starshego vozrasta v sotsial'nykh setyakh. *Gosudarstvo i grazhdane v ehlektronnoj srede*, 1: 279–286.

Weiss A.M., Lurie N.H., MacInnis D.J. (2008) Listening to strangers: whose responses are valuable, how valuable are they, and why? *Journal of Marketing Research*, 45(4): 425–436.

Wellman B., Haase A.Q., Witte J., Hampton K. (2001) Does the Internet increase-decrease, or supplement social capital? Social networks, participation, and community commitment. *American Behavioral Scientist*, 45(3): 436–455.

Yarskaya V.N. (2017) Temporal'no-smyslovaja distancija v pole social'noj splochnosti: (opyt analiza social'nyh setej) [Temporal semantic distanciation in the field of social cohesion (an analysis of social networks)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1: 14–24 (in Russian).

Yarskaya V.N., Shelyakina N. (2015) Special'nye social'nye seti v Internete s ogranicheniem pol'zovatel'skogo interfejsa [Social internet networking as a special network with a limited user interface]. *Vestnik SGTU* [Bulletin of Saratov State Technical University], 2 (79): 126–132 (in Russian).